

1.

13 марта. Суббота.¹

Час назад я узнал, что в Югославии арестован и находится под следствием Михаил Николаевич Михайлов, по происхождению русский, преподаватель Задарского университета, сын эмигранта. Он исследовал Достоевского (его докторская диссертация о Достоевском так и не увидит света), а также увлекался русским модернизмом. В июне 1964 г. в Москве я несколько раз беседовал с ним. Он экзистенциалист, христианин и мистик, верный ученик Шестова и Бердяева. Вернувшись в Югославию, он написал большой репортаж «Московское лето 1964 года», опубликованный в начале этого года в журнале «Delo», объединяющем кружок молодых модернистов и бравирующем своей оппозицией и независимостью относительно режима Тито.

Самое главное в этом репортаже, имевшем в Югославии шумный успех — это утверждение, что советское правительство сейчас борется против сталинизма и против антисталинистов, что оно замалчивает потрясающие факты, что сталинизм коренится в самой природе нашего общества. Михайлов объявил, что первый лагерь смерти создан был в СССР, а не в гитлеровской Германии. Это был Холмогор, и он создан в 1921 году. Короче, он намекал, что сталинизм начался при Ленине.

Репортаж стал всемирной сенсацией. Его переводили на разные языки мира, я прочёл его изложение во французской газете «Le Monde», где корреспондент предсказывал несомненные реакции в Москве. Заголовок гласил: «Une revue yougoslave écrit que l'U.R.S.S. a commis avant Hitler le crime de genocide». Это, конечно, несправедливо. В репортаже Михайлова много несправедливого, но есть и правда.

Литературный журнал «Дело» издаётся в Белграде, пользуется известностью. Советский посол протестовал против этого репортажа. В югославской прессе началась ожесточённая кампания против Михайлова и его статьи. Наше правительство конфиденциально уведомило Тито, что если он не примет мер, то в Москве опубликуют факты о титовских лагерях для политических противников (есть, напр., Голый остров на Адриатическом море, где по сей день томятся так наз. «сталинисты»). Их тысячи за колючей проволокой.

Бархатный диктатор принял меры. Редактор журнала «Дело» подал в отставку. Михайлов арестован. Теперь я жду визита КГБ. Пусть приходят. Мне кажется, что было бы даже красиво продолжить семейную традицию.

О деле Михайлова трубят радиостанции всей Европы. У нас ничего пока не слышно.

Я не схожусь во взглядах с Михайловым, но я знаю, что он честный человек и не антикоммунист. Он принадлежит к той породе интеллигенции, которая судорожно ищет третий путь, чтобы выжить в завтрашнем коммунистическом мире. Он даже по-своему чтит Ленина. Он процитировал мне в одном из писем слова Бердяева: «Бог был на стороне Ленина». Он говорил мне в июне 64 г., что сейчас СССР повторяет эволюцию, проделанную Югославией. Он был полон надежд. Югославская «удба» развеяла его иллюзии. Наивный он всё же человек! Но мне очень жаль его. Когда люди пишут, им нужно отвечать тем же, а не сажать за тюремную решётку.

26 апреля. Понедельник.

Итак, никто ко мне не пришёл. Никому я не нужен. Не до меня. Случилось много интересных событий. Глухая борьба в ЦК КПСС. Попробуем суммировать»² <...>

¹ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0069, 0070.

² Далее следует характерная для Назирова длинная запись о политической обстановке.

2.

<между 26 апреля и 2 мая 1965 г.>³

<...> Говорят, что Миша Михайлов освобождён из тюрьмы. <...>

<...> Детали о деле Михайлова. Следствие вёл трибунал в Задаре, и оно касалось не только Миши, но и заместителя главного редактора журнала «Дело». Михайлова обвинили в том, что он в «грубой манере» преподнёс серию информации «искажённых и неточных», которые «осмеивают Советский Союз»⁴. Заместителю редактора Мирковичу (его имя больше не фигурирует на обложке журнала «Дело») предъявлено обвинение в том, что он дал разрешение опубликовать репортаж Михайлова. Обвинения основаны на 175-й статье уголовного кодекса, наказывающей оскорбление иностранной державы. Эта статья предусматривает наказание от трёх месяцев до трёх лет тюрьмы.

Кроме того, Михайлов был обвинён в том, что 25 февраля отправил итальянскому издателю Джованни Вольте дактилографическую копию своего репортажа. «Дело» с этим репортажем было запрещено 11 февраля; таким образом, Михайлов нарушил 125 статью уголовного кодекса о распространении запрещённых изданий. По этой статье максимальное наказание — год тюрьмы.

Дата ареста Михайлова — что-то около 10 марта. Миркович на свободе, но получил строгий выговор первичной партийной организации, членом которой он является.

Около недели назад, т. е. примерно 20 апреля, прошли слухи об освобождении Михайлова. Дело приняло слишком широкий резонанс. <...>

3.

4 мая. Вторник⁵

29 апреля в Задаре начался процесс Михайлова; он не признал себя виновным. Первое заседание продолжалось пять часов. Сегодня я уже узнал, что процесс закончен и вынесен приговор — десять месяцев тюрьмы. Естественно, его выгнали из университета. Завтра буду искать в газетах подробности. О процесс кратко информировала «Unitá». <...>

4.

10 мая. Понедельник⁶ [105-106]

³ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0085, 0089.

⁴ Речь о большом очерковом материале, который Михайлов называет «репортажем», под названием «Лето московское 1964». Далее в публикуемом материале есть свидетельство, что Михайлов посылал Назирову экземпляр этого текста. Сам Михайлов в биографическом интервью так описывает этот эпизод: «Этот большой литературный репортаж должен был печататься в 1965 году в трех первых номерах известного тогда белградского литературного ежемесячника “Дело”. Вышли две первые части, но <...> советский посол Пузанов официально заявил протест. Тито, который балансировал между Востоком и Западом, решил принять меры и обрушился на меня в публичной речи на общегославском совещании... прокуроров как на человека, “клеветующего на дружественный Советский Союз”. По каким-то загадочным причинам речь эта была опубликована лишь спустя две недели после ее произнесения, зато арестован я был в тот же день, когда она появилась в печати. Меня продержали в тюрьме под следствием сорок дней. Тем временем на Западе поднялся шум, мою книгу перевели на одиннадцать языков, и под давлением западной общественности меня выпустили. Однако вскоре все же судили и приговорили к двум годам. Но в 1965 году Международный ПЕН-клуб впервые устраивал свою ежегодную встречу в социалистической стране, в Югославии, и его тогдашний президент Артур Миллер заявил, что, если я буду посажен, встречу перенесут в другое место. Тито не захотел рисковать престижем, и за неделю до встречи Верховный суд Хорватии изменил мне приговор на условный. Впрочем, работу и возможность печататься в Югославии я, разумеется, потерял». («Дружба». 2000. № 2)

⁵ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0101.

⁶ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 105—106.

<...>

«Time» от 7 мая с. г.:

«На прошлой неделе правительственная машина властно принудила к молчанию одного критика в Югославии. Жертвой был Михайлов Михайлов, 30 лет, профессор литературы в университете г. Задара на Адриатическом море, который после визита в Россию написал откровенно антисоветскую статью для югославского ежемесячника «Дело»... Схваченный полицией под нажимом самого президента Тито, Михайлов был обвинён в «осмеянии» иностранного правительства — уголовное преступление в Югославии.

В ходе процесса Михайлов проявил себя как человек, которого трудно запугать. Появившись в зале суда, чьим единственным украшением был большой портрет Тито, он отказался признать себя виновным пред трибуналом, состоящим из трёх судей. Он даже до процесса одержал одну победу, когда верховный суд Хорватии принял его петицию об отводе одного из первоначально назначенных судей по его делу как лица предубеждённого — этот судья вёл кампанию за увольнение Михайлова с его поста в университете. При заполнении судебного протокола Михайлов выразительно добавил после своего имени: «из города Задара, который в последнем издании “Большой Советской энциклопедии” назван “американской военной базой на Средиземном море”»*

Давая показания, Михайлов оставался столь же вызывающим, как в горьком письме, которое он разослал в свою защиту редакторам газет. Он настаивал, что его статья только приводила исторические факты о сталинских чистках и трудовых лагерях. Когда он предложил представить доказательство, суд отказался выслушать его оправдания на основании, что «нельзя допускать новой клеветы на Советский Союз». В своём последнем слове Михайлов сказал, что он не отрекается от написанного, и добавил, что если суд осудил его статью, то «это значит, что он (суд) осуждает историю и берётся определять, что можно и что нельзя говорить в истории».

Как предвиделось суд нашёл Михайлова виновным, но вместо максимального наказания — три года — приговорил его к десяти месяцам тюрьмы, с вычетом одного месяца предварительного заключения. Это был гораздо более мягкий приговор, чем вынесенный Миловану Джиласу («Новый класс»), который по-прежнему отбывает девятилетний срок за свою критику югославского коммунизма. Для циников соль была именно в этом: югослав получает только месяцы за критику Сталина, но годы — за критику Тито».

Из журнала «Time». — Да, очень любопытно. И всё-таки он многие факты перепутал в своей статье. Много страшной правды написал о лагерях, но кое-где поднаврал, кое-где сглупил... Нет, он не очень серьёзный человек, он слегка демагог. И какой вздор, что он хочет возвращения в России религии и мистицизма, хочет затушевать революцию и восстановить приукрашенный и модернизированный *ancient régime!* Возврата нет!

Но в тюрьму-то зачем было сажать?

5. <Письмо М. Михайлова Р. Г. Назирову>⁷

26.VI.65.

Дорогой Рома,

*Сноска Назирова: «Может быть, возвращение к последним месяцам второй мировой войны, когда Задар использовался как база британских и американских кораблей, выгружавших продовольствие для партизан Тито. После войны корабли США только случайно заходили в Задар как остановочный порт. (Прим. ред.)»

⁷ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0151—153.

Жду от Вас ответ на письмо. Надеюсь что Вы живёте так же как и прежде, и что Вам моё дело не доставило неприятностей.

Оно теперь окончилось счастливо для меня. Теперь кончаю докторат.

Западная печать, к сожалению, использовала всё это для антисоветской пропагандистской кампании. Однако ничего бы не было если бы не протесты советских властей. Очень жалею что так всё произошло. Глупо и ненужно.

Что же, теперь пройдут долгие годы пока дело уляжется и нам будет возможно повидаться. Вряд ли меня пустили бы теперь Сов. власти в Москву.

Как Ваша работа? Что делает Олег? Конечно, если Вы мне не ответите на это письмо, то я Вам больше не буду писать.

Как сын, жена?

Вы мне в прошлом письме написали, что в своём репортаже я допустил много вещественных ошибок. Я не согласен с Вами, скорее Вы неточно информированы. Но даже если бы это было и так, то моя вина небольшая. О всех этих событиях данные весьма разнородны, а советская версия порою и вовсе отсутствует.

Я Вам не советовал «несерьёзно» изменить убеждения, а попробовать почитать тех философов о которых я вам писал. И не забудьте, что я во время оно (1948—54) был убеждённым сталинистом. Это не малая штука.

Жду с нетерпением Вашего письма. Пишите всё что думаете открыто.

Ваш Михайлов Михаил.

6. <черновик ответного письма Назирова Михайлову>⁸

Дорогой Миша!

Не беспокойтесь, почта работает исправно, я получил и Ваше большое письмо, и Ваше «Московское лето»⁹, наделавшее столько шуму. Не отвечал я долго по двум причинам: 1) я не застал Анненского в редакции, пошёл в «Новый мир», Лакшин был на совещании, я оставил ему записку с изложением дела и моим телефоном — это всё; никакого отклика от них; как раз завтра собирался повторить обход; 2) я много думал над Вашим письмом и собирался написать Вам втрое больше. Мне есть, что ответить. Не скрою, это большое письмо во многом удивило меня. Хотя бы этот совет, бросить устарелые взгляды и усвоить новые, самые современные, как будто взгляды сменить так же просто, как покрой костюма. Дорогой Миша, ведь это же несерьёзно!

Что касается того, насколько они «устарели», то это вопрос сложный. Мы, молодые, здесь в Союзе думаем, что устарел и Ницше, и Бердяев, и Сартр уже безнадежно устарел. И уж если мы создадим что-нибудь новое оно будет принципиально новым, а не просто — одно из двух, *ratio* или *intuition*, рационализм или иррационализм. Читают у нас теперь и Бердяева, вот и я прочёл «Мирозерцание Достоевского», красивый стиль, тонкий анализ, в тысячу раз выше Мережковского. Но признайтесь же честно, что это всё равно не добросовестная работа, ведь и Бердяев подгоняет Достоевского под свою схему, более сложную и искусную, но всё же схему. И от книги Бердяева тоже исходит тонкий аромат политики, только это политика парижского интеллектуального центра эмиграции, политика людей, мечтающих так или иначе вернуться в ту Россию, которой больше нет и — вы понимаете это — не будет. У нас многое сейчас меняется, сильно изменился характер руководства, появляются экономические эксперименты и т. д. Но Россия останется

⁸ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0124—130.

⁹ Очевидно, что это черновик ответа на предыдущее письмо и на не сохранившееся «большое письмо». Возможно, первое письмо Назиров не сохранил из соображений безопасности.

советской, останется красной, с коммунистами, и к старым русским традициям прибавилась новая — традиция революции. Простой советский человек может быть недовольным, может ругаться, может крыть свою власть, но при этом он говорит: «Мой отец революцию делал, я сам всю Отечественную прошёл, Боевое Красное знамя имею...» Это орден Красного знамени. К чему я всё это пишу? Я хочу только Вам сказать: революция — русская стихия, наша почва, и когда русский мужик, например, ругает грузин, он говорит: «Да у них же советской власти нет!» Во всяком случае, так я слышал лет шесть назад.

В наше время быть русским — значит быть наследником тысячелетней России и сверх того наследником революции. Какие бы преступления ни совершались под прикрытием революционных лозунгов, сама она сохраняет всё своё величие, всё обаяние. Помните последнее восклицание мадам Ролан в 1793 году? Я горжусь тем, что я сын крестьянина, сын коммуниста, хотя меня ничуть не смущает, что мать моя — дочь мелкого торговца. У меня есть друг, чьи предки были дворянами, а другой, преуспевающий спортсмен — внук большого уральского купца, разорённого революцией. Жена одного моего очень давнего товарища — репатриантка из Китая, с КВЖД; её отца (вернувшегося «преждевременно») Иосиф «шлёпнул» (простите) в 1949 году. Чорт побери! Мы все родственники по крови — внуки татарских крестьян или русских дворян. Но мы все советские...

Да что убеждать Вас, Вы сами всё отлично понимаете! Поймите ещё одно: никогда больше не вернётся святая Русь, не вернётся религия, даже в самой тонкой и современной форме. Пусть возвращаются эмигранты, я бы лично принял их всех, кроме палачей, я подал бы руку любому Шульгину, я бы даже согласился назначить приличную пенсию Керенскому, но пусть они поймут, что их родина — новая.

Простите меня, я слишком увлёкся. Может быть, Вам не очень приятно читать всё это? Это правда. Вот точно так я читал Вашу статью. Я понял, что Вы «писали по своей совести». Этот репортаж не продиктован злобой, но скорее добрым отношением к России. Я так думаю. Но нет ли у Вас большой доли сенсационности? Миша, ведь это очень серьёзно, понимаете? Тут не место для сенсации, нужно писать точно, сурово, основываясь на проверенных фактах, а Вы видели, какую сенсацию сделала из Вашей статьи французская «Le Monde»? Они извлекли из нее 120.000 prisonniers (tués sans jugement) — это целая армия Врангеля, откуда Вы взяли эту цифру? Мы тут разговаривали с серьёзными, думающими ребятами и решили, что это явное преувеличение. Нашли у Вас и прямые ошибки — о сталинских переселениях малых народов. Это было не до войны, а во время войны, и не там, где вы указываете, не на границах, а с линии фронта (калмыки, чечено-ингуши, балкарцы, крымские татары и немцы Поволжья; калмыков и кавказские племена сейчас вернули на прежнее место). Но самая грубая, явная ошибка, несправедливость — следующая: «Oni su rehabilitirali samo svoje, a tissue poštenih ljudi — ne partijasašta je sa njima?» Но откуда вы это взяли, Миша? Спросили бы у меня, я много слышался об этих делах, знаю и точные факты. Реабилитированы живые и мёртвые, партийцы и беспартийные. Реабилитирован мой отец — и реабилитирован Киселёв, тот самый «возвращенец» с КВЖД, из Харбина, расстрелянный в 1949 г. Справки о реабилитации, по сути дела, выдавали почти по каждому заявлению семьи. Уцелевшие реабилитированы почти все, кроме настоящих шпионов, да и те освобождены по отбытии срока. У нас в Уфе есть шофёр, который в годы войны служил у немцев и принёс присягу на верность Германии. Он расстреливал евреев на Украине, а потом украинских итальянских партизан. После 1945 года провёл 10 лет в Сибири. Сейчас у нас в заключении ещё остаются, мож. быть, бандеровцы (из армии Степана Бандеры). Они сами о себе говорят: «Мы — фашисты».

Даже если один неправильный факт содержится в репортаже, то ценность свидетельства подрывается. А у Вас довольно много ошибок. Вы уверены, что Иван Шмелёв

привёл точные цифры? Вы уверены, что Холмого был «prvi logor smrti»? Или это просто-напросто всем известные Соловки, где поначалу не было массовых экстерминаций, это произошло много позже 1921 года...

Не подумайте, что я собираюсь всё опровергать. Я прочёл в Вашей статье много правды, и горькой правды при том. Встречи с писателями очень читаются, это интересно. У Вас есть талант журналиста, я сам журналист, и я воздаю должное Вашему таланту. Но вот я дохожу до «фольклора», и я опять изумлён: какая смесь, какой странный винегрет! Ну, посудите сами — «большой учёный», в языкознание который знал толк — это настоящее, хотя не народное. Это написал бывший секретарь ростовского обкома партии, кажется, Басов, который там пробыл 18 лет и затем вернулся. Ну, ладно. Потом «Магадан» — тоже литературного происхождения, но неважно. И вдруг — среди всех этих «настоящих» вещей такая глупая вульгарная пародия «Анна Каренина», которую и не очень-то поют у нас. Не имеет популярности и «Профкомовская» (о Серёге и Маньке). Это всё шуточки, не доходящие до подлинных чувств людей. Пошловата и песня «Гляжу на небо просветлённым взором». Глупая, уж вы извините, просто даже немного инфантильная «Вдали от нас погиб Патрис Лумумба»... Да нет, я не моралист, но дело в том, что всё это студенческое остроумие, фольклором здесь и не пахнет. Подбор случайный, не передающий сути нашей сегодняшней песни. Это ж надо собирать по всей стране, а не просто в МГУ на плёнку записывать. У Вас три — четыре хороших песни затеряны среди массы всякого вздора.

Ну, хватит об этом. Извините за резкость, я не буду переписывать. Писал то, что думалось. Ещё раз повторяю, что «Лето» в целом отлично написано и много правды, а потому некоторые промахи, ошибки, неточности особенно нас поражают. В некоторых явлениях нашей жизни Вы хорошо разбираетесь, а о других информированы плохо. Кстати, сейчас у нас идут перемены. Прочтите «Новый мир» № 1, там Александр Трифонович Твардовский говорит интересные вещи. Хуже выглядит съезд писателей РСФСР: Шолохов сделал бесцветное вступление, доклад Соболева слабый. И всё равно — мы идем вперёд. Хотите подтолкнуть нас? Хорошо. Подталкивайте. Но знаете, Миша, я посмею сформулировать неясное чувство: Ваша статья как будто написана иностранцем, например, поляком. Есть какая-то неуловимая нотка непонимания наших чувств. Не обижайтесь, прошу Вас. Я знаю, что Вы, при всех идейных различиях, друг нашей страны. Только подталкивайте нас по нашей дороге. не старайтесь своротить нас на обочину. Лично я принимаю любую Вашу критику в наш адрес, лишь бы это было обосновано. Но пожалуйста без «украшений». Не надо приписывать сверх того, что было. Вы писали «по совести», как Вы говорите — значит, кое-где ошиблись. Ошибка в вину не ставится, но ведь Вас могут понять и по-другому. И в Париже, и в Москве Ваше «Лето» расценили как новый вариант «эмигрантской», недружественной критики Советской России. Вы русский. Вы не являетесь антикоммунистом. Ведь это так?

Сумбурное письмо. Разве можно разговаривать на бумаге? Но у нас нет пока возможностей встретиться. Да и будет ли когда? Но верно одно — сила нашей страны очень велика, и мы уже начинаем выходить из беды. Больше верьте нам. Я, может быть, туп, но скажу Вам честно: я на свой лад счастлив. Много раздражаюсь, ругаюсь, но скуки, уныния не знаю. Я здорово живю.

Ваш Рома.

Простите мне эту поистине хулиганскую небрежность письма!

P.S. Дополните в середине строфу:

Для вас в Москве открыт Музей подарков,

Сам Исаковский пишет оды вам,

А здесь читает нам сонет Петрарки
Фартовый парень — Ося Мандельштам.

И ещё: будь «Лето» менее «ярким», но более точным, безупречным — оно бы сильнее выразило Вашу мысль.

Ваш Рома.

А о трагедии я бы ещё с Вами поспорил. Трагедия несчастной любви — не трагедия. Трагедия моего отца и всех других — вот трагедия XX века. Она всегда исторична, трагедия, она не живет вне времени.

«Социальные» корни трагедии? Нет, не так упрощённо я понимаю это. Мировой порядок и личность — вот коллизия...

Эсхил и Шекспир вечны, потому что были темпоральны, коренились в своём времени, своей эпохе. Экзистенциалистская трактовка трагедии родилась как раз тогда, когда трагедия как вид искусства умерла.

7. <Письмо Михайлова Назирову>¹⁰

Задар 28.IX.65

Дорогой Рома,

Очень меня обрадовало то, что Вы мне так быстро ответили. Жалко, что нет возможности поболтать с Вами лично. Этак мало чего можно добиться ведя письменную полемику.

Во многих вещах я с Вами согласен, но в основном я не согласен.

Я не считаю что всё советское плохо. Наоборот, — я убеждён, что русскому народу именно и нужен был такой исторический урок, — конечно в отрицательном смысле. Милый Роман, у вас ведь при всём вашем рационализме масса нелогичных мыслей. Попробую разобраться последовательно тем чередом каким Вы писали:

1. То что бежал Нуреев, который, как Вы считаете — «порождение советского режима — советской системы воспитания», — доказывает что эта система никуда не годится. Таких Нуреевых при случае были бы — миллионы. Недавно из Ленинграда приезжала к нам группа из 12 человек студентов и тоже один сбежал. Когда люди бегут из страны, — со своей родины, то в первую очередь это не делает честь родине, а только потом уж и им. Лучше бы Вы не трогали Нуреева.

2. Дорогой Рома, — если бы Вы знали программу НТС то Вы бы не считали что они хотят «из-за границы» спасать советских людей. Если бы СССР был страной свободной, — то вместо того что бы вести подпольную работу в России и только пользоваться теми возможностями — радио, печать и т. п., — которые освобождены от всякого контроля в западном мире, — НТС бы был простой политической организацией со своим печатным органом и возможно бы пользовался меньшими симпатиями у русского народа чем теперь. Если бы советские власти не боялись идей, на которых движется НТС — то они бы свободно позволили читать эту литературу советским людям. Но милый Рома, как то черезчур много Нуреевых наплодила совет. система. А НТС базируется на истинной русской мысли — Соловьёва, Бердяева, Лосского, Розанова, Шестова, Достоевского, и если хотите — только эмиграция и спасла русскую мысль от уничтожения которое с радостью бы заготовили им, и для миллионов русских людей, вожди Вашей доблестной КПСС, и не Вам бы говорить плохо о эмиграции. Вы забываете жизнь Ленина, Плеханова, Горького и т. д. И если мне что в НТС

¹⁰ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0140—0148.

не нравится, — то это только то что НТС чересчур похож на большевицкую партию и организационно и по своим действиям. Но Вы ошибаетесь если думаете что члены НТС собирают американские денежки. В основном это — подвижники идеи. О каких это «внушениях чужих идей», «нашей жизни» Вы пишете. Простите Рома, — но когда я слышу слова: «Наши идеи» то невольно вспоминается пропаганда Гитлера или Сталина или Хрущева. Если бы советская власть позволила таким как Нуреев свободно выражать свои идеи, то они бы может быть, не бежали из Союза.

Дорогой мой, — отец у меня сражался с фашистами, — в ранней молодости с большевиками. И если придется я буду не жалея своей крови делать тоже самое. Но верьте Рома, — до тех пор пока в России будет одна партия, один Центральный комитет, одна идеология, — каждое слово, каждый поступок который идет на пользу в деле уничтожения однопартийной диктатуры — будет святым делом для России вне зависимости от того откуда он исходит — из страны или из-за границы. Среди эмигрантов было и будет огромное число негодяев, но поверьте — в СССР их не меньше. И как Вы можете верить пропаганде о том что за НТС стоят американские разведки?! Ведь Сталин то же самое говорил и о Троцком, Бухарине, Тухачевском. Рома, — Вы или слепой человек, — или нечестный. Склоняюсь к первому, всё-таки.

Не сердитесь на меня за искренность. Я и не собираюсь отнимать у Вас право оставаться при Ваших убеждениях, однако именно КПСС не позволяет никому из 200 миллионов иметь свои собственные убеждения. «Чья бы корова мычала...» Я лично не член НТС, хотя читаю их литературу и могу Вас заверить НТС не собирается «своими силами» освобождать Россию. Но до тех пор пока в России будет существовать политическая и идеологическая цензура, — НТС будет делать полезное дело, — по мере возможности говорить русскому народу ту правду которую от него скрывает КПСС, КГБ и т. д. А конечно русский народ сам «на полях Кубани», как Вы это пишете, решит свою судьбу.

Я социалист по убеждениям, но я за демократический а не тоталитарный социализм. Не за однопартийный.

Как Ваша диссертация?

Обо всём о чём я писал можно бы было говорить и говорить часами. Так на бумаге мало можно сказать. Но я всё таки надеюсь что нам придется хоть раз ещё лично побеседовать в течение нашей жизни.

Пишу я много и печатаюсь очень много на Западе. Во Франции выходит в конце этого года моя большая (400 страниц) книга «Русские темы» «Les thèmes russe» <так у Михайлова — прим. автора предисловия>. Пришлю её Вам. Хотя по крови русский, — но искренне говоря мне отвратителен всякий национализм, в том числе и русский. Пишите если не обидетесь.

Ваш Михаил Михайлов.

P.S. И вспомните Рома о том что на Западе свободно работают коммунистические партии.

8. <черновик письма Назирова Михайлову>¹¹

Дорогой Миша!

¹¹ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0134—0139.

Да, действительно, очень жаль, что приходится вот так беседовать на расстоянии, по почте, а не в прямом общении, не в личной встрече. Ведь всё не ложится на бумагу, всё не скажется в литературной фразе.

«Если не обидитесь» — говорите Вы в заключение письма. Какой вздор, зачем обижаться, что толку в этом. Говорили всегда откровенно и будем так говорить впредь.

Когда ж это я Вам говорил, что в эмиграции все негодяи? Ерунда, я знаю, что там самые разные люди. Знаю, что там и сейчас прибывают новые из Союза. Но если и вправду всякая истина субъективна, как говорил, кажется, Ортега, то для меня лично яснее солнца: эмиграция из Союза сегодня есть поступок неправильный и непатриотичный. Я никогда не уеду из СССР, всегда буду жить в своей родной стране, хотя никакого национализма нет во мне и быть не может. Просто я парадоксальным образом уверен, что, несмотря ни на что, сегодняшняя Россия — лучшая страна в мире. Не знаю, поймёте ли Вы меня правильно. Может быть, Вы опять назовёте меня слепым. Не стану спорить. Отвечу Вам только, что наша переписка грозит превратиться в спор двух слепых о чудесных красках заката солнца или спор двух глухонемых о музыке.

Вот Вы пишете, что русскому народу именно нужен был такой урок — «конечно, в отрицательном смысле». Для Вас, конечно, в отрицательном, но ведь Вы же понимаете, что без этого «отрицательного урока» не было бы сейчас в России многих вполне положительных вещей. Я не могу спорить об этом, я не беспристрастен, я лицо заинтересованное: ведь одним из «положительных» результатов революции я с обычным человеческим самомнением считаю самого себя. Если бы не 1917 год, Ваш покорный слуга в лучшем случае сейчас бы пас баранов и не умел бы читать и писать.

Заметьте, что я не анализирую всю последующую историю. Кровь моего отца не остынет, я помню всё. Но для начала я считаю революцию и Ленина величайшими положительными явлениями в истории этой страны. Да, это была трагедия. Да, многие тогда погибли безвинно, многие были выброшены из своего дома. Расстреливали заложников, судили ускоренным судом и т. д. А когда в России не убивали, когда не расстреливали? В историях великих народов (всех!) скользко от крови. Может, права Марина Цветаева, что ещё Пётр Алексеевич, ревнитель ассамблей, был родоначальником Советов?¹² Интересно, как Вы относитесь к Петру? Я считалю, что он был положительным явлением.

Когда люди бегут из родной страны, это всё-таки не делает чести именно им, а не родной стране. Даже стоя на Вашей точке зрения, следовало бы признать, что низко бросать родину в тяжёлые времена. Древние римляне говорили: *Ubi bene, ibi patria*. Так думает Нуреев. Неужели и Вы так рассуждаете? Да я лучше умру от голода или чего-нибудь ещё, пусть меня бросят собакам на свалку или в общую яму, но всё-таки я буду лежать в той же земле, в какой лежит мой отец. Не очень рациональное рассуждение? Тем хуже для разума. Да что там Нуреев, я и Вам скажу: что бы Вы ни думали о режиме, как бы Вы ни были настроены, Вы должны были бы жить в России, узнать её жизнь по-настоящему, узнать её людей во всех концах страны, их заботы, мечты и надежды. Теперь-то у Вас, конечно, нет такой возможности, и это очень жаль. Потому что ни России, ни русского народа Вы всё же не знаете.

Вы не знаете, как изменился этот народ, каким «грубым материалистом» он стал. Вы не знаете, что все религиозные искания рафинированных интеллигентов, этих мистиков с хорошей зарплатой от советского правительства, не имеет никаких точек соприкосновения с теми реальными тенденциями, какие действительно имеются в народе. Да, и у нас, конечно, отнюдь не все довольны, *sarient sat*, но их недовольство — чисто материальное. Россия хлеб

¹² Сноска Р. Г. Назирова: «Лебединый стан».

за морем покупает — это ли не причина для размышлений? Да этот один газетный факт важнее всей и всякой метафизики. Вот о чём думает советский народ, а не об идеях Льва Шестова и не о дедовских могилках. Народ живёт своими весьма прозаическими делами, и тот, кто его осуждает за это, должен был бы вспомнить, что он ест.

Не знаю, кто там «стоит» за спиной НТС, может, и не агенты они, не знаю и не спорю. Пропаганды я слышал много за свои 30 лет, и той, и другой. Но когда я говорю: «наши идеи» — и я готов это повторить без всякого стеснения, — то я имею в виду никакую не пропаганду, а я имею в виду то, что думают двести миллионов. Эти двести миллионов не очень-то слушают победные реляции по радио (кстати, нынче и реляций-то не стало, нечем хвастаться). Мы (слышите, мы, а не Сталин и не Хрущёв) желаем изменений в нашей стране. Самое первое — экономика. Затем — конституция. Затем — литература, искусство и т. д. Но если Вы думаете, что нас интересует «истинно русская мысль», на которой базируется НТС, то Вы глубоко заблуждаетесь. Траченное молью славянофильство в романтической оболочке — вот что такое Ваш НТС. Нам это, грубо говоря, «до лампочки» (знаете такое русское выражение?).

И прошу не обижаться. Я не собираюсь оскорблять Ваши убеждения, идеи, привязанности. Я само очень люблю Достоевского, с интересом читаю Розанова, уважаю Соловьёва (это был удивительно чистый человек!). Лосского я не читал. Бердяева одну лишь Книгу о Достоевском. Лев Шестов мне, извините, не импонирует. Но дело-то в не этом. Дело в том, что не религиозно-экзистенциальное возрождение предстоит России, а прежде всего экономическое обновление. Не единым хлебом жив человек, но без хлеба-то уж точно не проживёт. Народ не рассуждает так, как бунтарь, восставший против мирового порядка и ставящий на карту свою бессмертную душу: народ всегда должен жить, он любит жизнь прежде её смысла. И тут уж никакой экзистенциалистский мыслитель ничем не поможет русскому народу, и нужнее всех учителей оказываются Либерман, Трапезников и прочие экономисты, к которым, кстати говоря, начинают прислушиваться Брежнев и Косыгин. Нам сейчас нужно перенимать экономический опыт Чехословакии, Югославии, Польши. Нам (т. е. всему Союзу) нужны иные экономические отношения. Мы всё время об этом думаем и к этому стремимся. Для нас последние мероприятия, предложенные Алексеем Косыгиным, отнюдь не лишены интереса. Конечно, это лишь первый робкий шаг в направлении оздоровления экономики, но, кажется, это шаг именно в нужном нам направлении. Нам нужно ещё ОЧЕНЬ многое, это не всё, это лишь начало. Посмотрим, что будет дальше.

Наша жизнь остаётся трудной. Многое так и осталось для Вас тайной за семью печатями, Вы в то лето 1964 г. увидели только внешнюю сторону Москвы. Мы-то в стране видим кое-что ещё. Но, знаете, Миша, если бы я смог показать Вам простых людей России, тех, которые рассказывали анекдоты о Хрущёве и по пьянке дрались с милицией, то Вы бы убедились, как чужды им Ваши идеи, вся Ваша «истинно русская мысль». Между прочим, русский раскол, нигилизм, бомбисты-народовольцы, Плеханов и Ленин были типично русские явления. Вы скажете, что это не «мысль» и не «философия»? А знаете ли Вы, что Достоевский в душе ровно настолько же раскольник и нигилист, сколько и «взыскующий града». Пожалуйста, не забывайте, что я Вам уже писал: революцию сделал мужик, и Россию от немцев спас тот же мужик, и, к сожалению, батюшка Сталин тоже того же мужика сумел убедить в своей правоте... Нужно всегда прислушиваться к голосу народа — если он и ошибается, то ошибается не зря.

Да, мы двое слепых, мы говорим на разных языках. Экзистенциализм против историзма. Но вот Вам только один пример. Прочёл я недавно «Ward seven», там ярко отразилась идеология русской оппозиции наших дней: религия, права личности, борьба против всякого тоталитаризма. И автор без стеснения выдаёт секрет этой оппозиции: такое

презрение к народу, такое глупейшее высокомерие к «стаду» пролетариев, к «профсоюзным вшам», что мне дурно сделалось. Нет, это не от Достоевского, а от Ницше, который понял своего «великого учителя» ровно наполовину, не более. Я-то больше от Достоевского!

Вы никогда не позволяли себе таких отзывов о народе, Вы называете себя социалистом и сторонником демократии, excellent! Ну, а как же пациент седьмой палаты — он разве не из Ваших? Да я их видел и слышал в Москве, это люди, которые презирают советскую массу, боятся толпы, не понимают собственного народа. Я этих «человеков из подполья» не принимаю. Что касается остального, то у меня тоже есть своя голова на плечах. А диссертацию я кончил.

Пишите.

Рома.

9. <после 15 октября 1965 года.

Фрагмент обширной записи, завершающей дневник 1965 г.>¹³

<...> Я написал Михайлову такое резкое письмо, что он, пожалуй, больше мне не ответит. Ну, и хватит этой переписки! Уж слишком белым он становится. Он не желает понять, что можно быть марксистом и стоять в оппозиции к правительству. Хотя сейчас правительство наше, может быть, лучшее за сорок лет.

Но я хочу, чтобы было ещё лучше. Мне хочется ускорить процесс демократизации страны — процесс, очевидно, неизбежный.

Режим будет постепенно демократизироваться вслед за экономическими реформами. Но пока что ещё демократизация лишь началась. Посмотрим. <...>

10.

5 июня <1965>. Воскресенье.¹⁴

<...>

Михайлов писал мне, что Абрам Терц — талантливый писатель. Не знаю, не читал. Но вот важные детали...¹⁵

<...>

11.

Начало июля 1966 года¹⁶.

<...>

Югославия эволюционирует всё дальше. Ряд деятелей союза коммунистов высказывается за реформу политической жизни: партия должна играть только идеологическую роль, не вмешиваясь в управление экономикой. В то же время Миша Михайлов объявляет, что хочет создать новую партию, со своим печатным органом.

<...>

12.

¹³ АРГН. Оп. 4, д. 8, л. 0175.

¹⁴ АРГН. Оп. 4, д. 9а, л. 0021—0022.

¹⁵ Михайлов упоминается один раз в большой записи о деле Синявского и Даниэля. Далее следует перечень обстоятельств суда, возмутивших Назирова.

¹⁶ АРГН. Оп. 4, д. 9а, л. 0027—0028.

Август <1966 года>¹⁷.

В Югославии вновь арестован Михайлов. Он вёл кампанию за создание оппозиционной партии, заявляя в то же время о верности югославской конституции. Михайлов — сторонник «демократического социализма», противник частной собственности на средства производства. Он против капитализма и против коммунизма. В философии он мистик, экзистенциалист в духе Льва Шестова. Забавно, как все его западные друзья называют Михайлова профессором, а противники — ассистентом. Для меня ясно одно, Михаил Николаевич — не филолог. Он блестящий и ловкий политический деятель, честолюбец, позёр, хотя в его позе есть немало искренности...

<...>

13.

9 сентября <1966 года>¹⁸.

Михаил Михайлов был арестован 8 августа, 9 сентября освобождён под залог. Его должны судить по обвинению в распространении ложной и тенденциозной информации о Югославии в нескольких статьях, опубликованных им в иностранной печати.

¹⁷ АРГН. Оп. 4, д. 9а, л. 0032.

¹⁸ АРГН. Оп. 4, д. 9б, л. 0032.